

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2011
XX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
631
EXPRESS-ISSUE**

2011 № 631

СОДЕРЖАНИЕ

- 259-273 Особенности экологии и сезонных явлений редких видов воробьиных Нижнего Приобья и Южного Ямала. 2. Motacillidae, Muscicapidae, Paridae, Sittidae, Fringillidae, Emberizidae. В. Н. РЫЖАНОВСКИЙ
- 273-276 К орнитофауне Оренбургской области. С. В. КОРНЕВ
- 277-284 Белая *Lagopus lagopus* и тундряная *L. mutus* куропатки в высокогорье Западного Алтая. Б. В. ЩЕРБАКОВ, Л. И. ЩЕРБАКОВА
- 284-289 О терминологии в описании территориального поведения птиц. Г. А. НОСКОВ, А. В. БАРДИН, С. П. РЕЗВЫЙ
- 289-290 Предварительная схема летнего пролёта синьги *Melanitta nigra* в области Балтики. О. Я. РЕННО
- 291 Новое подтверждение гнездования чёрного дрозда *Turdus merula* в окрестностях Верхнего Тагила. А. Н. ПИСКУНОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 259-273 Peculiarities of ecology and seasonal phenomena of rare species of passerine birds in the Lower Ob and the Southern Yamal. 2. Motacillidae, Muscicapidae, Paridae, Sittidae, Fringillidae, Emberizidae.
V. N. RYZHANOVSKY
- 273-276 To avifauna of the Orenburg Oblast. S. V. KORNEV
- 277-284 The willow *Lagopus lagopus* and rock *L. mutus* ptarmigans in Western Altai highlands.
B. V. SHCHERBAKOV, L. I. SHCHERBAKOVA
- 284-289 On the terminology in describing of the territorial behaviour of birds.
G. A. NOSKOV, A. V. BARDIN, S. P. REZVY
- 289-290 Provisional scheme of the summer migration routes of the common scoter *Melanitta nigra* in the Baltic Sea region.
O. Ya. RENNO
- 291 New confirmation of the blackbird *Turdus merula* nesting in the vicinity of the Verkhny Tagil. A. N. PISKUNOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Особенности экологии и сезонных явлений редких видов воробьиных Нижнего Приобья и Южного Ямала. 2. Motacillidae, Muscicapidae, Paridae, Sittidae, Fringillidae, Emberizidae

В.Н.Рыжановский

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
ул. 8 марта 202. Екатеринбург. 620144. Россия. E-mail: ryzhanovsky@ecology.uran.ru

Поступила в редакцию 12 февраля 2011

Пятнистый, или зелёный конёк *Anthus hodgsoni*

По мнению М.Г.Головатина и С.П.Пасхального (2005), северная граница ареала зелёного конька в Нижнем Приобье проходит по широте стационара «Войкар», расположенного в бассейне реки Войкар. В 1996 году в долине реки Собь, в окрестностях станции Красный Камень, В.К.Рябицев и В.В.Тарасов (1997) слышали песню самца в предтундровом смешанном лесу 14 июля. Поющих самцов С.П.Пасхальный (2000) слышал в городе Лабытнанги во второй половине мая 1999 года, В.Н.Калякин (1998) – в среднем течении реки Щучья. На стационаре Октябрьский мы этих птиц не ловили, но в 2002 году на контрольной площадке М.Г.Головатин (2002) встретил активно поющего самца 17 июня. Все последние наблюдения позволяют предполагать постепенное расширение ареала зелёного конька к северу по пойменным лесам.

Сибирский конёк *Anthus gustavi*

До последнего времени были известны единичные и не всегда достоверные случаи регистрации сибирского конька на гнездовье в узкой границе между северной лесотундрой и кустарниковыми тундрами Южного Ямала (Данилов и др. 1984). Однако этот вид оказался весьма обычным на юго-западном Ямале, в бассейне реки Паютаяха (приток Еркатаяхи, впадающей в Байдарацкую губу). По данным В.А.Соколова (2003), на участке заболоченной с купами ивняков тундры площадью около 4 км² в 2003 году держалось 6 поющих, а позднее беспоящихся самцов. В последующие годы найдены гнёзда. Этот конёк оказался обычным в пойме реки Юрибей в 2004 году (Головатин и др. 2004) и редким значительно севернее, в бассейне реки Мордыяха (Соколов 2006), причём в последнем районе орнитологи Института экологии растений и животных УрО РАН учитывали птиц на маршрутах в

1988-1990 годах, но этих коньков не видели в долине Нурмаяхи (Добринский 1997), как не встречала его здесь группа В.К.Рябицева (1993) в 1982-1991 годах. Вероятно, столь внезапный переход вида из «редкого» в «обычный» связан не с расширением ареала, а с отсутствием на маршрутах и пробных площадках биотопов, необходимых сибирскому коньку для гнездования. К тому же, по заболоченной территории трудно передвигаться, и учётчик огибает их чисто «автоматически». Размножение у сибирского конька, видимо, более позднее, чем у других трясогузковых. По сведениям В.А.Соколова (Соколов и др. 2007), в 2007 году на Южном Ямале строящиеся гнёзда находили в последних числах июня (27 июня 2007 – 3 строящиеся гнёзда), откладку яиц наблюдали между 29 июня и 1 июля, 16 июля в гнёздах были птенцы. Для сравнения укажем, что обычные сроки откладки яиц краснозобых *Anthus cervinus* и луговых *A. pratensis* коньков на Южном Ямале – конец второй – начало третьей декады июня, а вылупление происходит в начале июля.

Малая мухоловка *Ficedula parva*

В приенисейской северной тайге малая мухоловка встречается (1-10 особей на 1 км²) в богатых приречных лесах и на участках тёмнохвойной тайги (Рогачёва 1988), достаточно обычна на территории Обь-Пуровского междуречья (до 5 ос./км²) в елово-лиственничных редкостойных лесах (Вартапетов 1998), но на левом берегу, в бассейне реки Войкар, гнездится эпизодически (Головатин 1999). Вид не встречен в пределах Лесного Урала, где протекают реки, образующие реку Войкар, а также в предгорных и горных долинах более северных рек: Лонготъеган, Щучья (Головатин, Пасхальный 2005). Однако в островном пойменном лесу среднего течения Хадытаяхи эти птицы отлавливались в середине лета (1 июля 1978 пойман самец), а 8 июля 1980 в старом дупле трёхпалого дятла *Picoides tridactylus* найдено гнездо с 7 птенцами (Данилов и др. 1984). На стационаре Октябрьский 16 июня 1978 поймана самка с наседным пятном на стадии откладки яиц, но гнёзд и беспокоившихся птиц не находили, несмотря на наличие развешенных дуплянок. Не отлавливались малые мухоловки и в послегнездовое время.

Пухляк *Parus montanus*

До начала текущего столетия мы считали, что на широте Лабытнанги и севернее пухляки не гнездятся и появляются в посёлках только в зимнее время, прикочёвывая из тайги. Поэтому мы включили пухляка в категорию редких залётных птиц (Данилов и др. 1984). По сведениям М.Г.Головатина (1999), летом пухляки гнездятся в небольшом числе (до 2.2 пар/км²) в бассейне реки Войкар. Относительно

недавно, в конце 1970-х годов, пухляки начали регулярно зимовать в городе Лабытнанги (Пасхальный 2004). В первой половине зимы 1976 года эти синицы были обычны в посёлке Лаборовая в верхнем течении Щучьей (Калякин 1995).

Первая летняя встреча пухляков на Ямале относится к 1978 году: 30 мая в среднем течении Хадытаяхи видели двух птиц (Данилов и др. 1984). В 2002 году 27 июля в зарослях древовидной ивы в пойме Щучьей в окрестностях посёлка Лаборовая встречен выводок (Головатин, Пасхальный 2005). 20 июня 2002 на учётной площадке стационара Октябрьский М.Г.Головатин встретил пару пухляков, собиравших корм для птенцов. Ранее, в годы постоянных летних работ на этом стационаре, пухляков не наблюдали и не отлавливали.

Большая синица *Parus major*

Как и пухляк, большая синица начинает чаще встречаться осенью и зимой в городах и посёлках, на факториях и у охотничьих избушек, залетая на Ямал (посёлок Ярсале). В настоящее время в городах Лабытнанги и Салехард, а также в более южных (северотаёжных) посёлках это обычный зимующий вид, т.е. постепенно численность местной зимующей популяции растёт. Прирост обеспечивается не только за счёт прикочёвки птиц из тайги, но и за счёт вероятного размножения больших синиц в пойменных лесах Нижнего Приобья. Об этом свидетельствуют весенне-летние отловы птиц на стационаре Октябрьский: 23 и 28 мая 1978 поймано 2 самца *P. major*, с 21 мая по 8 июня 1979 – 3 самца, причём один из них пойман повторно через месяц, 5 июля, т.е. держался это время в одном районе. 10 июля 1979 здесь же в паутинную сеть попала самка с наседным пятном. Самцов большой синицы ловили также 8 июня 1981, 6 июня 1982. В эти же сроки в 1981 и 1982 годах в районе стационара слышали песни. В последующие годы летом больших синиц не ловили и не встречали. Не встречал их на гнездовье в бассейне реки Войкар М.Г.Головатин (1999); нет их в списке летнего населения птиц Обь-Пуровского междуречья (Вартапетов 1988). Э.В.Рогачёва включает большую синицу только в фауну южной тайги Средней Сибири, но В.К.Рябицев границу её ареала проводит по южным пределам ЯНАО, т.е. по северной границе таёжной зоны.

Поползень *Sitta europaea*

По мнению М.Г.Головатина и С.П.Пасхального (2005), северная граница ареала поползня в Нижнем Приобье проходит по долине реки Войкар, где могут гнездиться отдельные пары. Дальше к северу регистрируются только залёты кочующих птиц, преимущественно в первой половине зимы, но в Лабытнанги наблюдали окольцованного поползня всю зиму 1983/84 года (Пасхальный 2004). Мы поймали 4 молодых

птиц и одну взрослую в конце августа – начале сентября 1976 года в долине реки Сось (ж.-д. станция Красный Камень) и одну молодую птицу поймали в городе Лабытнанги в октябре. У двух молодых поползней, пойманных 10 сентября, заканчивало линьку контурное оперение спинной и брюшной птерилий, плеча, бедра; на голове небольшое число перьев стадии чехликов были в ушном отделе. Первогодок, пойманный в Лабытнанги 20 октября, тоже заканчивал постювенальную линьку. По аналогии с другими видами можно предполагать, что линька идёт достаточно высокими темпами, большинство северотаёжных птиц заканчивает её в середине сентября, но поздно выплывшиеся и заканчивают её поздно, что не влияет на их кочёвки. Взрослый поползень 24 августа был на последней, 11-й стадии послебрачной линьки; к началу сентября он должен линьку закончить.

Зяблик *Fringilla coelebs*

Мы (Данилов и др. 1984) отнесли зяблика к видам, которые периодически залетают на широту Полярного круга и севернее. Так, в 1972 году на фактории Хадыта в среднем течении Хадытаяхи с конца мая до середины июня пел самец, на следующий год видели одиночную самку, поймали самца в начале июня 1980 года на стационаре Октябрьский. Зябликов ловили там же весной в 1981, 1982, 1986 годах, поющих самцов регистрировали в районе стационара (но не на учётной) площадке, в 1981 году с 4 по 7 июня, а в 1982 – 3-5 июня. В послегнездовое время поймали только одного самца (22 августа 1982), молодых птиц не встречали и не ловили. В долине Собы у станции Красный Камень в 1977 году зяблики были весьма обычны: в разных частях долины пело несколько самцов, 3 июня видели пару. Вероятно, зяблики там гнездились, но молодые птицы во второй половине лета в наши паутинные сети не попадали. В 1976 и 1978 годах этих птиц не видели, как не видели их и в 2002-2004 (Рыжановский, Пасхальный 2007). С.П.Пасхальный (2004) пишет, что зяблики изредка гнездятся у Лабытнанги и, возможно, на его территории. Активно беспокоившуюся пару он видел в пойменных зарослях древовидной ивы 22 июня 1991. В саду экологического стационара УрО РАН весной в отдельные годы зяблики занимают участки и встречаются длительное время. В частности, в 2006 году самец пел с 7 мая по 22 июня (Головатин, Пасхальный 2006). Область регулярного гнездования зяблика на левобережье Оби начинается на широте посёлков Войкар, Мужы и даже южнее. В начале 1960-х годов зяблики были обычны у посёлка Берёзово и не встречались севернее (Данилов 1965).

Весной зяблики прилетают одновременно с юрками *Fringilla montifringilla* или даже раньше. В 1986 году самца видели в Лабытнанги 30 апреля при встрече первых юрков 20 мая; в 2002 году С.П.Пас-

хальный (Пасхальный, Головатин 2007) встречал зябликов в окрестностях Лабытнанги начиная с первых чисел мая (3 мая) до середины третьей декады мая, юрки начали встречаться с середины второй декады мая (17 мая), в 2003 году первые зяблики встречены одновременно с первыми юрками 11 и 13 мая, но массовый прилёт юрков наблюдался в первой декаде июня при исчезновении на учётных маршрутах пролётных зябликов. В 2004 году зябликов не видели, юрки были на пролёте обычны. Суммируя данные по учётам мигрантов получаем, что в 2002 году встречено 1.22 зяблика на 1 км маршрута, в 2003 – 0.32, в 2004 – 0. Несомненно, происходит пульсация северной границы области гнездования зяблика с периодическим гнездованием вида в нашей части лесотундры.

Обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus*

Северная граница ареала чечевицы на Ямале проходит по островным лесам долин рек Ядаяходаяха, Хадытаяха, Щучья. Гнездование в долине Ядаяходаяхи не доказано, известна только встреча одиночного самца, однако в среднем течении Хадытаяхи найдены гнёзда (Данилов и др. 1984). В среднем течение Щучьей встречены только поющие самцы (Калякин 1998). Район устойчивого гнездования начинается ближе к широте Полярного круга: город Лабытнанги, стационар Октябрьский. Вид остается малочисленным на широте посёлка Войкар и в долине одноимённой реки (Головатин 1999), но в окрестностях посёлка Мужичи чечевицы более обычны (Данилов 1965).

Вдоль восточного склона Полярного Урала, по данным М.Г. Головатина и С.П. Пасхального (2005), чечевица гнездится редко и спорадически. Исключение составляет долина среднего течения Соби, где в окрестностях станции Красный Камень и выше по течению чечевицы регулярно гнездятся. У подножья Полярного Урала, где начинаются реки, образующие реку Войкар, отдельные птицы вероятно гнездятся в подходящих местах, но на значительных пространствах наблюдали лишь временно поющих самцов-первогодков (Головатин 1999).

Спорадичность гнездования чечевицы, вероятно, связана с её биотопическими предпочтениями: в лесотундре она выбирает достаточно сухие поляны с кустарниками и отдельными деревьями. Поляны могут быть небольшими, но предпочтительно располагаться группами. На стационаре Октябрьский основная часть гнёзд найдена на зарастающем покосе и по его краям. Очень желательно присутствие кустов жимолости. Не избегают чечевицы населённых пунктов, встречаются вокруг города Лабытнанги, посёлка Октябрьский и южнее. Следует отметить отсутствие этих птиц на плакоре: в лиственничном редколесье, на участках ерников, на частично заросших ивняком приозёрных лугах, на трассе брошенной зарастающей дороги, среди ольховников

на песчаных буграх на территории стационара Харп и в его окрестностях. В 1971-1984 годах обследовалась территория площадью свыше 30 км², картирование распределения пар проводилось на площади 180-380 га в разные годы, однако чечевиц не видели не только в гнездовое время, но в периоды весенней и осенней миграций. Город Лабытнанги также находится на плакоре, но чечевицы там есть: на окраинах города с отдельными деревьями плотность их населения достигает 1.3 пар/км² (Пасхальный 2004), что можно объяснить некоторой склонностью вида к нарушенному техникой ландшафту.

Гнездиться чечевицы предпочитают небольшими группами. В районе фактории Хадыга с 1972 по 1979 год чечевиц не было, в 1979 поселилась одна пара, в 1980 – 3 пары с граничащими гнездовыми участками, в 1981 – 2 пары (Данилов и др. 1984). На стационаре Октябрьский вдоль границы учётной площадки с покосом чечевицы гнездились в 1978-1983, 1985 и 1989 годах не менее, чем по 2 пары, в 1986-1988 – по 1 паре, а в 2002-2004 годах чечевиц здесь не было. На Полярном Урале в районе станции Красный Камень за три сезона пойманы всего 2 чечевицы, взрослая и молодая, но в стороне от участков отлова, непосредственно вокруг стационарных домов на зарастающих полянах, эти птицы гнездились. По данным С.П.Пасхального (Рыжановский, Пасхальный 2007) в 2002-2004 годах плотность населения чечевицы в районе станции составляла 0.8-2.0 пар/км². С учётом отсутствия этих птиц на участках расположения паутинных сетей (в 1977 году таких участков было 2 по 20-30 га), действительная плотность гнездования чечевиц в долине среднего течения Соби на порядок и более ниже.

Прилет растянут, первые чечевицы могут прилететь одновременно с первыми юрками и овсянками-крошками, но основная масса появляется позднее. Даты первых в сезон регистраций (отловы, встречи): 22 мая (2004) – 12 июня (1982), средняя дата за 13 лет наблюдений – 4 июня. В позднюю весну 1978 года на стационаре Октябрьский первую чечевицу (самку) поймали 28 мая, до начала устойчивого таяния снега, затем птиц ловили с 19 июня по 26 июня ежедневно по 1-3 особи обоего пола; в очень раннюю весну 1977 года чечевицы пойманы 4 и 7 июня. При средней по срокам весне 1979 года чечевиц ловили между 8 и 19 июня; в 1980 – между 7 и 13 июня; в 1988 году в большую ловушку, отлавливающую преимущественно мигрантов, 6 самцов и 3 самки залетели между 30 мая и 17 июня. Половых различий в сроках прилёта нет, т.к. в одни годы первыми ловились самцы, в другие самки или первые самцы и самки прилетали одновременно. Температура воздуха в день встречи первой за весну чечевицы была 0.3-10.4°, в среднем 4.2°C ($n = 5$); основная масса чечевиц прилетает после полного таяния снега и обычно с наступлением тёплой погоды.

От регистрации первой в сезон птицы до начала кладки проходил 13-21 день в разные годы ($n = 6$), в среднем 17 ± 1.3 сут. Гнездиться чечевицы начинали не раньше второй половины июня. Наиболее ранняя дата начала кладки 19 июня 1988 ($n = 1$), наиболее поздняя – 5 июля 1978 ($n = 2$), средняя – 23 июля.

Гнёзда чечевиц находили на деревьях (только на ели, 4 гнезда) или на кустах: на жимолости ($n = 4$), иве (3), багульнике (1), шиповнике (4), на высоте от 10 см (багульник) до 2 м (ель), чаще не выше 1 м. В кладке 4-6 яиц, чаще 4 ($n = 10$), реже 5 (4) или 6 (1). Средняя величина кладки 4.4 яйца. Плотное насиживание начинается с предпоследнего или последнего яйца. Продолжительность насиживания (от снесения первого яйца до вылупления первого птенца) в прослеженных гнёздах составила 15, 16 и 16 сут. Птенцы находились в гнезде 11 и 12 сут. Контрольные гнёзда слётки оставляли между 15 и 30 июля. Из 14 контрольных гнёзд сороки *Pica pica*, серые вороны *Corvus cornix* и, видимо, полёвки разорили 4. Брошены 2 кладки, от дождя погибли птенцы в 1 гнезде.

Постювенальная и послебрачная линьки у обыкновенной чечевицы протекают на местах зимовки (Носков 1978). В гнездовой части ареала встречаются молодые птицы с дорастающим пером. Дорастание начинается в возрасте старше 13 сут на периферии спинной птерилии; в возрасте 15-17 сут начинают расти периферические ряды на брюшной, плечевой, бедренной, голенной, анальной птерилиях. На крыле дорастают верхние и нижние кроющие пропатагиальной складки, большие и средние нижние кроющие первостепенных и второстепенных маховых, зарастают аптерии. Формирование юношеского наряда полностью заканчивается к 30-35-дневному возрасту.

Молодые могут довольно долго находиться в гнездовом районе. Из 10 помеченных в гнёздах птенцов повторно пойман один – 20 августа, в возрасте 40 сут. За годы отловов на стационаре Октябрьский поймано 7 молодых чечевиц, ни одна из них не встречена повторно. Позднее 31 августа молодые чечевицы не наблюдались и не отлавливались. Миграционное депонирование жира у 3 молодых, выкормленных с 10-дневного возраста, началось в третьей декаде августа в возрасте 40-45 дней. Взрослые отлавливались и встречались до середины августа. Видимо, они отлетали из гнездового района немедленно после распададения выводков. Две взрослые птицы, взятые вместе с выводком, приобрели средние запасы жира к 10 августа, через 1.5 недели после перехода слётков к самостоятельному питанию.

Щур *Pinicola enucleator*

Щур является гнездящейся птицей пойменных лесов Южного Ямала, а распространение его на север ограничено распространением

лесных местообитаний (Данилов и др. 1984). Поскольку в лесотундре лесные местообитания имеют островной (пятнистый) характер, пятнистый характер распространения по лесотундре имеет и щур, на что накладывается также и малочисленность вида. Пара щуров встречена в долине Ядаяходаяхи, а в долине Хадытаяхи, где Л.Н.Добринский (1965) считал этих птиц обычными, мы (Данилов и др. 1984) нашли их малочисленными. В.Н.Калякин (1998) наблюдал щуров в среднем течении Щучьей, но в верховьях этой реки и в долине Лонготъегана М.Г.Головатин и С.П.Пасхальный (2005) щуров не встречали. Самая северная точка доказанного гнездования щуров на Полярном Урале – это долине среднего течения реки Собь. Здесь их видели Н.Н.Данилов (1959), Л.Н.Добринский (1965), регулярно отлавливали мы во все годы наблюдений (1976-1978). Следующий, более южный район регулярного гнездования щуров на Урале – долина реки Хулга, стекающей с Приполярного Урала (Балахонов 1978). В полосе прибрежных лесов долины Нижней Оби щуры обитают там, где есть участки леса с преобладанием лиственницы и ели. Южнее Полярного круга такие леса по долинам уральских притоков Оби устремляются к Уральским горам, расширяя область сплошного распространения птиц. В верховьях Войкара, на Лесном Урале, щур – малочисленный гнездящийся вид древостоев (Головатин 2002), площадь которых велика.

В пределах нашего района щур почти повсеместно редок. В долине Хадытаяхи на учётных площадках стационаров «фактория Хадыта» в 1971-1973 годах и «Ласточкин берег» в 1978-1986 щуры в пойменном лесу не гнездились (Рябицев 1993), но за пределами участков найдено 11 гнёзд за 12 лет наблюдений, в среднем по гнезду в сезон при весьма тщательных поисках.

На учётной территории стационара Октябрьский в 1978-1983 годах на участке 22 га щуры гнездились в 1978 и 1981 годах по 2 пары, причём в 1981 году за пределами площадки найдено третье гнездо, а в 1980 за пределами площадки также найдено гнездо щура при отсутствии этих птиц на площадке. При учётах здесь же в 2002-2004 годах щуры не встречены. Вероятно, в одни годы в долине Оби они малочисленны, в другие становятся редкими или исчезают с больших участков пригодных биотопов. В районе железнодорожной станции Красный Камень в 1976-1978 годах картирование пар не проводили, но судя по регулярным отловам самцов и самок в гнездовой период, а также по повторным отловам через значительный промежуток времени (2-5 недель), численность гнездящихся щуров в полосе смешанного леса южного склона долины выше, чем на первом стационаре, локально достигая 5 пар/км² лесной полосы, и щуры здесь гнездились все три года. В 2002-2004 годах в районе станции, но несколько в стороне от участков отлова, проводил маршрутные учёты С.П.Пасхальный (Ры-

жановский, Пасхальный 2007). Щуров он не встречал, что, скорее всего, связано с типом биотопов на маршруте.

Щуры прилетают, видимо, несколько раньше юрков, одновременно с прилётом основной волны чечёток *Acanthis flammea*. Наиболее ранние даты встречи или отлова: 17 апреля 1982 – 2 самца в саду экологического стационара; 27 мая 1979 – на стационаре Октябрьский пойман 1 самец, 2 самца и 2 самки пойманы по одиночке в первой декаде июня. В 1978 году пара поймана линией сетей 8 июня.

Сроки гнездования растянуты. Полная кладка из 3 яиц найдена 15 июня 1981, т.е. первое яйцо появилось не позднее 13 июня; в наиболее позднем гнезде откладывание яиц началось 20-22 июля 1980. В первом случае птенцы покинули бы гнездо (кладка погибла) 9-11 июля, в втором вылетели 20 августа. 9 июня 1979 на стационаре Октябрьский поймана самка с наседным пятном на 1-й стадии (начало кладки), т.е. откладывание яиц началось уже в первой декаде июня; 28 июня 1979 поймана самка с наседным пятном на 2-й стадии (насиживание), что укладывается в обычные сроки гнездования. Основной период ухода слётков из гнёзд приходится на третью декаду июля.

Гнёзда щуров устроены весьма однотипно. Практически все из 16 найденных гнёзд располагались на молодых елях у ствола на высоте 1.2-3.5 м, одно находилось на лиственнице (Данилов и др. 1984). В полной кладке 2-4 яйца: в 7 из 15 гнёзд было по 4 яйца, в 5 – по 3, в 2 гнёздах – по 2 яйца.

Постювенальная линька частичная, но весьма значительной полноты. На голове и туловище заменяются перья, выросшие в гнездовое время; на крыле заменяются все средние верхние кроющие первостепенных маховых, все малые и средние верхние кроющие второстепенных маховых, внутренние (14-20-е) большие верхние кроющие второстепенных маховых, верхние кроющие пропатагиальной складки, кроющие крылышка, верхние и нижние кроющие кисти, средние нижние кроющие второстепенных маховых. Судя по осмотрам 6 щуров, последовательность участия в линьке птерилий и отделов не отличается от таковой у юрков (Рыжановский 2010). Линька начинается, вероятно, не раньше 30-дневного возраста, т.к. щуры, пойманные 30 июля и 7 августа, к линьке ещё не приступали; 18 августа пойман молодой щур, начинающий линьку (1-я стадия). При этом 1 августа 1978 пойман щур на 4-й стадии линьки (из 7 стадий, выделенных по аналогии с юрком). Учитывая позднюю весну 1978 года, птица имела возраст не более 35 сут, т.е. к линьке она приступила не раньше 25-сут возраста. Линьку она должна закончить во второй половине августа, но все остальные осмотренные нами птицы линьку должны были закончить во второй-третьей декадах сентября: 27 августа пойман щур на 3-й стадии линьки, 1 и 2 сентября – на 5-й стадии.

Послебрачная линька у щура полная. Начинается во второй половине июля, птицы в старом оперении отлавливались до 15 августа. Различий в сроках начала линьки, связанных с полом, не выявлено: 31 июля на 5-й стадии линьки поймана самка, т.е. линьку она начала во второй декаде июля, одновременно с первыми самцами. Поскольку некоторые взрослые птицы начинали линять в середине июля, возможно совмещение линьки с докармливанием слётков. Заканчивающих линьку взрослых щуров мы не ловили, для большинства птиц это должен быть конец сентября – начало октября.

Часть щуров может оставаться зимовать в лесотундре. Стайку видели в нижнем течении Соби 26 декабря 1976 (В.Д.Богданов, устн. сообщ.), одиночного щура и стайку из 5 птиц видели у станции Красный Камень в январе и феврале 1990 года (Пасхальный, Синицын 1997). Это были урожайные на рябину годы, когда зимой видели не только щуров, но и свиристелей *Bombycilla garrulus*.

Белокрылый клёст *Loxia leucoptera*

Редко и эпизодически встречается и гнездится в Нижнем Приобье и на Южном Ямале, залетает в тундру до Среднего Ямала. Единственное для нашего района гнездо белокрылого клеста с 4 яйцами найдено 27 июня 1978 на стационаре Ласточкин берег в среднем течении Хадытаяхи (Данилов и др. 1984). Поющих самцов, беспокоивших птиц и выводки М.Г.Головатин и С.П.Пасхальный (2005) встречали в верховьях реки Войкар, в районе города Лабытнанги, на Полярном Урале в междуречье Лево́й Пайеры и Бурхойлы. Мы (Рыжановский 1997) ловили молодых и взрослых белокрылых клестов в долине реки Соби в 1976 ($n = 3$) и 1977 (5) годах, на стационаре Октябрьский в 1978 (12), 1981 (1) и 1983 (2) годах; встречали их на экскурсиях поодиночке или в небольших стайках в разные сезоны, но преимущественно во второй половине лета. Периоды максимального числа встреченных нами белокрылых клестов – это весна 1978 и середина июля 2007 года. В первом случае клесты, причём только взрослые, встречались мелкими стайками в полосе прибрежных смешанных лесов; во втором – стаи по несколько десятков птиц, включающие молодых и взрослых, придерживались лиственничников плакора и верхней части склона. Следует отметить, что в последнем случае лиственницы были буквально усеяны шишками, которых клесты и «обрабатывали».

Овсянка-ремез *Emberiza rustica*

До начала 1980-х годов мы (Данилов и др. 1984) считали этот вид залетающим в Нижнее Приобье из северной тайги. Овсянки-ремезы обычны у посёлков Берёзово и Перегребное и становятся малочисленными в бассейне Войкара (Головатин 1999), где они, видимо, появи-

лись сравнительно недавно, т.к. в 1960 и 1961 годах при работе в окрестностях посёлка Мужы, несколько южнее реки Войкар, Н.Н.Данилов (1965) и его студенты овсянок-ремезов не встречали. В настоящее время эти овсянки в небольшом числе гнездятся также у подножья Лесного Урала по облесенным берегам притоков Войкара (Головатин 2002). Однако в долине реки Сось у станции Красный Камень ремезов не видели и не отлавливали ни мы в 1976-1978 и 2002-2004 годах, ни наши коллеги, посещавшие летом этот район.

На стационаре Октябрьский первая овсянка-ремез, самец, поймана 28 мая 1978 при пробной установке паутинных сетей в поисках участка регулярных отловов, 29 мая поймана самка, 31 мая – вновь самец. В 1979 году 25 мая в лесу слышали песню; в 1980 этих овсянок не встречали, а весной 1981 года ремезы начали регулярно встречаться в городе Лабытнанги (первая регистрация 21 мая, встречались до середины июня) и отлавливаться на стационаре Октябрьский. Первые две птицы (самец и самка) пойманы 30 мая, в последующую неделю пойманы 5 самцов и 1 самка. В меньшем числе овсянки-ремезы встречались весной 1983 года (14 мая встречена пара в Лабытнанги, 11 июня пойман самец в Октябрьском). В 1991 году поющих самцов видели в Лабытнанги 7 и 13 мая (Пасхальный, Сеницын 1997).

Гнездование овсянки-ремеза в окрестностях стационара Октябрьский предполагается для 1981 года. Пара этих птиц впервые встречена на границе контрольного участка 1 июня и периодически встречалась позднее там же, в негустом, с небольшими полянами смешанном лесу нижней части склона коренного берега. 8 августа недалеко от этого места поймана молодая птица, судя по состоянию дорастающего оперения, она была в возрасте до 30 дней.

Полярная овсянка *Emberiza pallasi*

В нашем районе полярную овсянку можно считать малочисленным гнездящимся видом Приобской лесотундры и тундр Южного и Среднего Ямала. До начала 1970-х годов полярных овсянок в Приобье и на Ямале не регистрировали. В окрестностях Лабытнанги пару и гнездо впервые обнаружили в 1972 году. Самец встречен в тундре у фактории Хадыта (в среднем течении Хадытаяхи) 1 июня 1973. Следующие встречи поющих самцов произошли в июне-июле 1974 года в нижнем течении Нурмаяхи (район посёлка Мыс Каменный) и в июле 1975 в низовьях Юрибея (Данилов и др. 1984). В 1982-1991 годах полярные овсянки ежегодно регистрировались на учётной площадке в нижнем течении Нурмаяхи (Рябицев 1993) и найдены гнёзда (Рябицев и др. 1995). Доказано гнездование вида для среднего течения Мордыяхи в 1988 году (Пасхальный, Головатин 1995), но при обследовании Среднего Ямала в 1975 и 1976 годах мы полярных овсянок не встречали,

возможно, они ещё не проникали до этой широты. В настоящее время гнездование полярных овсянок обнаружено в пойме Юрибея, в бассейне рек Щучья и Войкар, в горах Полярного Урала от истоков рек, образующих Войкар, до верховий Байдараты; проникли они и на западный склон хребта (Калякин 1998; Головатин, Пасхальный 2005) и в Большеземельскую тундру (Морозов 1987).

Характерный биотоп полярной овсянки – кустарниковая тундра с небольшими травяными болотами, сырыми лугами, пятнами ивняков. В лесотундре пары регистрировались на участках, где редколесья чередуются с тундрами, озёрками и болотами.

В Нижнем Приобье на контрольных участках полярные овсянки гнездились не регулярно и с разной плотностью. В 1970-1984 и 2002-2004 годах регистрировали пары, видели птиц с кормом, находили гнёзда: в 1972 – 1 пара и 1 гнездо; в 1978 – 2 пары, гнёзд не найдено; в 1980 – 5 пар, 2 гнезда. Площадь картирования пар составляла от 1.8 до 3 км². Плотность гнездования в пересчёте на всю территорию стационара была, соответственно, 0.3, 0.6 и 2.4 пар/км². В 1984 году полярные овсянки гнездились за пределами контрольной территории, т.к. достаточно регулярно залетали в сети в конце июля – начале августа. Для разных районов Полярного Урала М.Г.Головатин и С.П. Пасхальный (2005) приводят плотность от 0.3 до 0.6 пар/км². В нашем районе средняя многолетняя плотность явно ниже.

Прилетают полярные овсянки одновременно с основной массой воробьиных. Даты отлова первых овсянок на стационаре Октябрьский следующие: 10 июня 1978, 9 июня 1980, 11 июня 1983. В 1978 году в течение недели, с 10 по 17 июня, пойманы 7 самцов и 2 самки, в остальные годы ловили по 1 самцу. В долине реки Собь полярных овсянок не ловили.

На территории стационара Харп найдено 3 гнезда полярной овсянки. 15 июля 1972 в гнезде было 3 насиженных яйца, позднее оно было разорено. 11 июля 1980 на разных берегах одного озера в листовенничном редколесье найдено 2 гнезда. В первом находилось 4 слётка, начавших разбегаться при попытке осмотра, и 2 неоплодотворённых яйца; во втором гнезде было 6 птенцов 5-6-сут возраста. Гнездо они покинули 14 июля, также при осмотре.

В отличие от птенцов овсянки-крошки *Emberiza pusilla*, которые при беспокойстве уходят из гнезда до полного разворачивания кисточек кроющих тела и закрытия аптерий в возрасте более 8 сут, птенцы полярной овсянки сидят в гнезде до закрытия аптерий перьями, как подорожники *Calcarius lapponicus*, т.е. 10-12 сут. Гнёзда располагались однотипно – под невысокими кустиками ивы среди мха, с неглубоким лотком (20-25 мм), свитые из сухих злаков. В одном гнезде в выстилке присутствовали ворсинки оленьей шерсти.

Достоверные литературные данные об особенностях линьки полярной овсянки мне не известны. В 1984 году на стационаре Харп в период с 21 июля по 9 августа пойманы 4 взрослых самца и 7 молодых птиц. Все взрослые птицы, в том числе и самец, пойманный 5 августа, к линьке не приступали. Отмечу, что к началу августа среди пойманных овсянок-крошек и подорожников не поймано птиц, не начавших послебрачную линьку. Вероятно у полярной овсянки эта линька протекает в зимовочной части ареала.

Постювенальная линька протекает в районе вылупления. Первогодки, пойманные 27 и 28 июля, были в гнездовом наряде с дорастающим оперением по периферии брюшной, спинной птерилий и на нижней стороне крыла. 1 августа пойманы 2 птицы в состоянии начала линьки: пеньки новых перьев были в центре грудного отдела брюшной птерилии, на плечевой и спинной птерилиях. 7 августа пойман первый годок уже без следов линьки, с заросшими аптериями, а 9 августа пойманы 2 птицы с заканчивающими рост центральными рядами перьев на груди, спине и заросшими аптериями. Судя по этим осмотрам, постювенальная линька у полярных овсянок нашего региона имеет минимальную полноту (центральные ряды брюшной, спинной, плечевой птерилий) и протекает очень быстро. Особь начинает линять в возрасте не более 30 сут, линька длится не более 10 сут, затем птицы включаются в миграцию. На стационаре Харп паутинные сети стояли до 17 августа, однако последняя полярная овсянка поймана, как уже сказано, 9 августа. В долине Оби и в районе железнодорожной станции Красный Камень во второй половине лета полярных овсянок не ловили и не видели.

Дубровник *Emberiza aureola*

Найден Н.Н.Даниловым (1965) в качестве обычной птицы в окрестностях посёлка Мужи, но в список гнездящихся птиц долины реки Войкар М.Г.Головатин (1999) этот вид не включил. В то же время В.Н.Калякин (1995) привёл дубровника в качестве гнездящегося вида для бассейна Щучьей (в среднем течении) и для верховьев Соби (окрестности посёлка Полярный), указав, что находки территориальных пар в обоих районах относятся только к 1977 году. Мы в 1977 году в среднем течении Соби всё лето вели отлов птиц, но дубровников не встречали. В паутинные сети и большую ловушку на стационаре Октябрьский два самца дубровника попали только в 1978 году 7 и 8 июня.

Литература

Балахонов В.С. 1978. Некоторые орнитологические наблюдения в районе восточного склона Полярного Урала // *Тр. Ин-та экологии растений и животных* 15: 57-63.

- Вартапетов Л.Г. 1998. *Птицы северной тайги Западно-Сибирской равнины*. Новосибирск: 1-327.
- Головатин М.Г. 1999. Птицы бассейна реки Войкар // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье, и Западной Сибири*. Екатеринбург: 75-81.
- Головатин М.Г. 2002а. Население птиц Лесного Урала // *Научный вестник. Биологические ресурсы Полярного Урала* **10**: 2-40.
- Головатин М.Г. 2002б. Интересные орнитологические встречи в Нижнем Приобье // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 92-93.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2000. Орнитофауна поймы Нижней Оби // *Материалы к познанию фауны и флоры Ямало-Ненецкого автономного округа* **4** (1): 18-37.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П., Соколов В.А. 2004. Сведения о фауне птиц реки Юрибей (Ямал) // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 80-85.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2005. *Птицы Полярного Урала*. Екатеринбург: 1-564.
- Данилов Н.Н. 1959. Линька некоторых птиц в условиях Полярного Урала // *Материалы по фауне Приобского Севера и её использованию*. Тюмень: 390-392.
- Данилов Н.Н. 1965. Птицы Нижней Оби и изменения в их распространении за последние десятилетия // *Тр. Ин-та биологии УФ АН СССР* **38**: 103-109.
- Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К. 1984. *Птицы Ямала*. М.: 1-338.
- Добринский Л.Н. 1965. Заметки по фауне птиц долины реки Хадыты (Южный Ямал) // *Экология позвоночных животных Крайнего Севера*. Свердловск: 167-177.
- Добринский Л.Н. (ред.) 1997. *Мониторинг биоты полуострова Ямал в связи с развитием объектов добычи и транспорта газа*. Екатеринбург: 1-191.
- Калякин В.Н. 1995. Дополнения к фауне гнездящихся птиц Ямала и Заполярного Предуралья // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 32-35.
- Калякин В.Н. 1998. Птицы Южного Ямала и Полярного Зауралья // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 94-115.
- Морозов В.В. 1987. Материалы к орнитофауне Большеземельской тундры // *Орнитология* **22**: 186-189.
- Носков Г.А. 1978. Линька обыкновенной чечевицы и ее фотопериодическая регуляция // *Экология* **6**: 180-191.
- Пасхальный С.П. 2000. Интересные встречи птиц в Нижнем Приобье в 1996-1999 гг. // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 154-156.
- Пасхальный С.П. 2004. *Птицы антропогенных местообитаний полуострова Ямал и прилегающих территорий*. Екатеринбург: 1-219.
- Пасхальный С.П., Синицын В.В. 1997. Новые сведения о редких и малоизученных птицах Нижнего Приобья и Полярного Урала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 119-121.

- Пасхальный С.П., Головатин М.Г. 2007. Весенний пролёт птиц в низовьях Оби // *Научный вестник ЯНАО. Экосистемы Субарктики: структура, динамика, проблемы охраны* 6 (50): 23-56.
- Рогачёва Э.В. 1988. *Птицы Средней Сибири*. М.: 1-309.
- Рябицев В.К. 1993. *Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике*. Екатеринбург: 1-295.
- Рябицев В.К., Тарасов В.В., Искандеров А.К. 1995. К распространению птиц на северо-востоке Ямала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 66-69.
- Рябицев В.К., Тарасов В.В. 1997. Заметки к фауне птиц Полярного Урала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 126-127.
- Рыжановский В.Н. 1998. Птицы долины р. Соби и прилегающих районов Полярного Урала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 148-158.
- Рыжановский В.Н. 2010. Экология и годовой цикл юрка *Fringilla montifringilla* в Нижнем Приобье. 2. Послегнездовой и зимний периоды // *Рус. орнитол. журн.* 19 (590): 1431-1446.
- Рыжановский В.Н., Пасхальный С.П. 2007. Динамика населения птиц Нижнего Приобья в связи с глобальным потеплением климата // *Научный вестник* 6 (50) 2: 58-74.
- Соколов В.А. 2003. К орнитофауне юго-западного Ямала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 167-170.
- Соколов В.А. 2006. Распространение сибирского конька на Западном Ямале // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 192-193.
- Соколов В.А., Соколов А.А., Кастелл П., Плезанс Б. 2007. К орнитофауне юго-запада Ямала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 234-236.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 631: 273-276

К орнитофауне Оренбургской области

С.В. Корнев

*Второе издание. Первая публикация в 2009**

В сообщении приводятся некоторые результаты орнитологических наблюдений на территории Оренбургской области в июне-июле 2009 года. Исследования проводили в пойменных лесах реки Урал (Илекский район), а также в нагорных широколиственных лесах хребта Шайтан-Тау и пойме реки Сакмара (Кувандыкский

* Корнев С.В. 2009. К орнитофауне Оренбургской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург, 14: 61-64.

район). Материалы наблюдений дополняют сведения о распространении и экологии некоторых видов птиц в Оренбуржье. Порядок видов и латинские названия приводятся по справочнику В.К.Рябицева (2008).

Scolopax rusticola. Для области считается гнездящимся видом (Давыгора 2000), но конкретных данных о его гнездовании в последние десятилетия чрезвычайно мало. В работе С.В.Кирикова (1952) отсутствуют сведения о фактах гнездования в пределах Оренбуржья.

В сумерках 9 июня 2009 довольно активная тяга наблюдалась нами в долине ручья на хребте Шайтан-Тау. Несколько вальдшнепов пролетело с характерными звуками над лесной поляной и лесом. В липово-тополевом лесу, почти без подроста, с большими участками открытой почвы, покрытой прошлогодними листьями, 14 июня спугнули самку с 2 ещё плохо летавшими молодыми. Самка долго сильно волновалась, отводила от птенцов, летая с криками вокруг наблюдателя. Ранее на основании встреч токующих птиц предполагалась возможность гнездования вальдшнепа на хребте Шайтан-Тау (Коршиков, Корнев 2000).

Motacilla cinerea. В конце XX века отмечались редкие встречи горной трясогузки на миграциях (Давыгора 1998). Позже встречи стали более частыми и отмечен первый в регионе случай гнездования (Корнев, Коршиков 1999; Давыгора, Гавлюк 2000; Коршиков, Шубин 2002). 10 июня 2009 в нише на обрывистом берегу горного ручья на хребте Шайтан-Тау под нависшей растительностью найдено гнездо горной трясогузки с кладкой из 1 яйца. Самка насиживала, самец держался неподалёку, кормился на берегу ручья. 20 июня самка в течение 10-15 мин кормилась на берегу реки Сакмары и улетела вверх по течению.

Garrulus glandarius. Сойка отмечалась на южной окраине лесостепи, но все свидетельства о гнездовании относятся к более северным районам Башкирии (Кириков 1952). В пойме Сакмары у хребта Шайтан-Тау 23 июня 2009 мы наблюдали одиночную сойку, которая собирала корм в средней части крон вязов на лесной опушке. С порцией корма в клюве птица улетела в глубь леса. Этот факт может косвенно свидетельствовать о гнездовании сойки в данной районе.

Ficedula parva. Н.А.Зарудный (1897) отмечал малую мухоловку как гнездящуюся по рекам Большой Ик и Сакмара. В последнее время малая мухоловка отмечалась на миграциях в пойме Илека (Давыгора 2000), а также в восточном Оренбуржье (Коршиков 2001).

В средневозрастном тополёвнике в пойме Сакмары у села Причистенка (Оренбургский район) 10 июня 2000 найдено гнездо малой мухоловки. Оно размещалось сверху на обломке вертикально стоящего ствола чёрного тополя на высоте 1.8 м. В гнезде находилась кладка из 6 насиженных яиц. Птицы сильно беспокоились. В пойме реки Урал у

села Шутово Илекского района 7 июня 2009 наблюдалась пара птиц с кормом, но поиски гнезда результатов не дали. Птицы улетали на вершины тополей и пропадали из поля зрения наблюдателя. Самец в этой паре имел внешность, типичную для европейской формы *F. (p.) parva* (Рябицев 2008; Коблик и др. 2006). 8 июня самка малой мухоловки демонстрировала тревожное поведение в пойменном лесу из чёрного тополя и вяза на реке Урал в окрестностях села Мухраново Илекского района.

Erithacus rubecula. Зарянка наблюдалась С.В.Кириковым (1952) в гнездовое время на хребте Шайтан-Тау. В июле 2001 года в верховьях реки Дема (Шарлыкский район) наблюдалась молодая птица (Коршиков 2001). В 2009 году 11 июня в сумерках самец активно пел на вершинах деревьев у горного ручья на хребте Шайтан-Тау. Зарянка с кормом отмечалась 21 июня в пойменном лесу Сакмары в районе села Малое Чураево, а вечером мы слышали пение на соседнем участке леса. На этом же участке 9 июля наблюдались сильно волнующиеся зарянки. Судя по поведению, у них были слётки, так как птицы демонстрировали тревожное поведение в нескольких местах.

Turdus merula. Самец чёрного дрозда пел 14 июня 2009 на вершине чёрного тополя в пойме реки Катрала примерно в 6 км выше села Акчура (Кувандыкский район). На протяжении 500 м пойменного леса вдоль реки Сакмары у села Малое Чураево 18 июня отмечены 3 поющих самца. 19 июня здесь найдено гнездо с 5 слабо насиженными яйцами. Оно помещалось в развилке ствола вяза на высоте около 1.5 м. Птицы держались у гнезда очень осторожно, не показываясь на глаза наблюдателю. Тревожный крик: мягкое «чак-чак», повторяемое через разные промежутки времени, был похож на крик певчего дрозда *Turdus philomelos*, но немного ниже тоном. В гнезде 8 июля находились 5 птенцов, у самого крупного разворачивались пеньки маховых, соотношение длины трубочек и развернувшейся части опахала 1:1. По наблюдениям у гнезда 8 и 9 июля, взрослые чаще всего приносили птенцам дождевых червей. Однажды самец принёс зелёного кузнечика, а самка – небольшие чёрные ягоды, скорее всего, плоды черёмухи *Radus avium*. Ранее Н.А.Зарудный (1897) отмечал чёрного дрозда как гнездящегося в лиственных лесах около села Спасское (Саракташский район). С.В.Кириковым (1952) за всё продолжительное время работы на Урале чёрный дрозд не был встречен ни разу. В июле 2001 года на северо-западе области наблюдались взрослые птицы с кормом и найден выводок из 4 хорошо летающих молодых птиц (Коршиков 2001).

Parus palustris. Выводок хорошо летающих молодых, которых кормили взрослые птицы, наблюдался 21 июня 2009 в пойменном лесу Сакмары в районе села Малое Чураево. Несколько болотных гайчек мы наблюдали 24 июня в пойме ручья выше села Новосакмарское Ку-

вандыкского района. Птицы кормились в кронах чёрной ольхи и тополя. Предыдущими исследователями болотная гаичка для территории Оренбуржья не отмечалась (Зарудный 1897; Кириков 1952; Давыгора 2000).

Литература

- Давыгора А.В. 1998. Заметки по авифауне Степного Предуралья // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 53-63.
- Давыгора А.В. 2000а. *Орнитологическая фауна Оренбургской области: Периодизация и итоги исследований. Состав и особенности. Библиография*. Оренбург: 1-84.
- Давыгора А.В. 2000б. Новости авифауны Степного Предуралья // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 65-69.
- Давыгора А.В., Гавлюк Э.В. 2000. К авифауне верховьев реки Тобол // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 69-72.
- Зарудный Н.А. 1897. Дополнения к «Орнитологической фауне Оренбургского края» // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. 3: 171-312.
- Кириков С.В. 1952. *Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала*. М.: 1-412.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. 2006. *Список птиц Российской Федерации*. М.: 1-281.
- Корнев С.В., Коршиков Л.В. 1999. Новости орнитологического сезона 1998 года в Оренбуржье // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 137-139.
- Коршиков Л.В., Корнев С.В. 2000. Новости орнитологического сезона 2000 г. в Оренбуржье // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 122-124.
- Коршиков Л.В. 2001. Новости орнитологического сезона 2001 г. в Оренбуржье // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 121-122.
- Коршиков Л.В. 2001. Дополнения к «Новостям орнитологического сезона 2000 г. в Оренбуржье» // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 118-120.
- Коршиков Л.В., Шубин А.О. 2002. Новости орнитологического сезона 2002 г. в Оренбуржье // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 147-149.
- Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-634.

Белая *Lagopus lagopus* и тундряная *L. mutus* куропатки в высокогорье Западного Алтая

Б.В.Щербаков¹⁾, Л.И.Щербакова²⁾

¹⁾ Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, Усть-Каменогорск, 492024. Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

²⁾ Восточно-Казахстанский государственный университет, Усть-Каменогорск, 492025. Казахстан

Поступила в редакцию 12 февраля 2011

Алтайская белая куропатка *Lagopus lagopus brevirostris* (Hesse, 1912)

Алтайская белая куропатка – оседлая птица, предпринимая зимой незначительные вертикальные кочёвки, спускаясь с горных вершин в подножные долины. Населяет альпийский пояс Убинского, Ульбинского, Ивановского, Холзунского и Линейского хребтов в восточной части Западного Алтая (Восточно-Казахстанская область). Малочисленна в связи с небольшим числом на этих высотах мест, подходящих для её обитания. Избирает преимущественно склоны северной экспозиции, для которых более типичны заросли круглолистной берёзки *Betula rotundifolia*, представленные здесь либо обширными массивами, либо небольшими островками, которые более типичны для понижений, пенеplenов горных вершин, либо впадин и слегка заболоченных низин. В большей степени тяготеют к островным зарослям ив *Salix*, произрастающих фрагментарно на заболоченных почвах, по берегам подпрудных озёр, вдоль ключей в тундровой зоне или по окрайкам тающих снежников. В связи с этим сплошного ареала белая куропатка в этой части Алтая не имеет и встречается спорадично. Большая часть популяции сосредоточена по плоским или покатым, слегка заболоченным водоразделам с массивами берёзки. Наиболее западные пункты её встреч известны на Ивановском хребте несколько восточнее Лениногорска (Щербаков 1974), а на Убинском хребте – на горе Синюхе. В летний период диапазон её вертикального распространения лежит в пределах от 1900 до 2300 м над уровнем моря.

Сведений о белой куропатке у исследователей, посетивших этот район, в литературе практически нет. Лишь М.А.Кузьмина (1953) отмечает, что в многоснежные зимы её следы встречены в подножных зарослях Ивановского хребта, которые она ошибочно отнесла к следам тундряной куропатки *Lagopus mutus*, которая благополучно проводит весь зимний период исключительно на горных вершинах в поясе

тундр и осыпей, избирая склоны южной ориентации, и вертикальных кочёвок никогда не предпринимает. В.А.Селевин (1935), ссылаясь на сведения П.А.Ермакова, также сообщает, что тундряные куропатки встречались зимой в предгорьях этого же хребта. Сведения эти также следует отнести к белой куропатке.

Наблюдения за белыми куропатками в весенний период сводятся только к тому, что пара этих птиц встречена 26 мая 1972 в урочище Медвежья тропа (Ивановский хребет, 2000 м н.у.м.), расположенное в районе лесного кордона Босяково на речке Быструха, в 20 км восточнее Риддера (Лениногорска). В это время здесь было ещё очень много снега и открыты были лишь небольшие плешины возвышенностей, обращённых на юг. Самка была уже в летнем наряде. У основания её клюва сохранилось несколько белых перьев. Самец в это время находился ещё в зимнем белом пере. Здесь же 12 июня 1971 в зарослях ивы у небольшого подпрудного озера (2000 м) поднята самка. Выше в этом же урочище (2200 м) 24 июня 1971 под разреженными зарослями кедрового стланика *Pinus pumila* встречены 2 выводка с 5 и 7 птенцами и на высоте 1900 м – 2 линяющих самца.

Гнёзда белые куропатки устраивают в зарослях или около небольших куртин круглолистной берёзки и ивы. Гнездо представляет собой неглубокую ямку в почве, выстланную стебельками и прошлогодними листьями злаков. В 2 гнёздах выстилку дополняли белые перья самих куропаток. Диаметр 2 гнёзд 14 и 15 см при глубине лотка 4 см. Гнездо, обнаруженное 9 июня 1968 на северном склоне Выше-Ивановского пика (2300 м н.у.м.), располагалось среди каменисто-моховой тундры с редкими зарослями кедрового стланика. В нём находилось 8 свежих яиц размером, мм: 43×31, 43×31, 44×31, 44×31, 43×30, 44×30, 45×31 и 45×31. Другое гнездо с кладкой из 7 насиженных яиц обнаружено 5 августа 1971 у восточной оконечности Ивановского хребта на водоразделе (2100 м) между Тургусунскими и Белоубинскими озёрами. Устроено оно было у края небольшого массива густых зарослей карликовой берёзки. В гнезде, обнаруженном 14 июня 1967 на водоразделе Ивановского хребта (2100 м) на уровне Тургусунских озёр и Чёрного Узла, находились только что вылупившиеся 7 пуховичков, ещё не оставившие гнезда. Здесь же встречены ещё два выводка с 5 и 7 оперёнными птенцами размером с перепела. Выводки кормились на лужайке, поросшей горцом живородящим *Polygonum vivipara*. В урочище Медвежья тропа на столообразной возвышенности (2140 м) мы встретили выводок с 8-10 наполовину оперившимися птенцами размером примерно с перепела, которые мгновенно разбежались и затаились. Самец, заметив наше приближение, убежал, пригибаясь к земле и пригнув голову. Удалившись метров на 50, остановился и, взволнованно подёргивая хвостом, наблюдал за нами. Самка в это сидела,

прикрывая собой одного из птенцов, пока до неё не дотронулись рукой. Однако когда запищал взятый нами в руки птенец, она тут же вернулась и, приопустив крылья, с «коканием» пыталась ударить по ногам. Самец же снялся и, перелетев на 100 м от нас, опустился на землю, поднял голову, издавая типичный для них звук «кrrrr-кrrrr...» У одного из птенцов из клюва торчали лапки некрупного жука. Масса 2 птенцов составляла 40.8 и 49.9 г. На Ивановском хребте (2200 м) 14 июля 1974 также был поднят выводок с 6 птенцами величиной с перепела. Здесь же 31 июля встречен выводок с 7 ещё не лётными молодыми, а 21 июля 1975 – выводок с 7 птенцами величиной с перепела *Coturnix coturnix*. В верховьях речки Палевой (Ивановский хребет, 2100 м) 23 июля 1975 встречена семья с 6 молодыми размером с рябчика *Tetrastes bonasia*. Выводки с птенцами, размеры которых были также близки к размерам рябчика, наблюдались 21 июля 1974 у подножья хребта Холзун (2000 м) и в верховьях речки Барсук среди высокогорного осокового болота Гульбище (у стыка хребтов Ивановского и Холзуна). В истоках речки Палевой (Ивановский хребет, 2100 м н.у.м.) 5 августа 1971 отмечена семья с 3 птенцами такой же величины.

Наши наблюдения показали, что в воспитании потомства у белых куропаток участвуют оба родителя, лишь в отдельных случаях при выводках находились только самки. Следует заметить, что летом не все особи белой куропатки принимают участие в размножении и, по видимому, холостыми остаётся часть самцов. В это время они переживают стадию интенсивной линьки (июнь-июль). Чаще всего они держатся поодиночке или группами до 4 линных особей в более густых зарослях карликовой берёзки на влажных или слегка заболоченных почвах, около ручьёв. Встречаются и вблизи скал, в тени которых долго сохраняются пятна снега, и в зарослях кедрового стланика у верхней границы леса.

Сезонные кочёвки белых куропаток незначительны и не постоянны. Зависят они от снежности зимы, о чём также свидетельствуют наблюдения в Юго-Восточном Алтае (Ирисов, Тотутнова 1970) и Южном Алтае (Березовиков 1989; Стариков 2006). Осенью куропатки сбиваются в стаи до 15-20 особей. Так, стайка из 15 птиц, которую составляли в основном молодые в ещё сером оперении, встречена 14 октября 1972 на Ивановском хребте в районе Чёрного Узла (2300 м). Около заимки Мягкие ключи, расположенной у подножия хребта Холзун, вблизи ручья, поросшего ивняками, 7 декабря 1969 были отмечены группы из 3 и 5 белых куропаток. По сообщениям охотников, небольшие стайки зимующих куропаток наблюдались также у северного подножия Ивановского хребта около дома отдыха «Горняк», расположенного в 10 км юго-западнее Риддера. Лишь однажды появление белых куропаток было отмечено на окраине самого города – в Алтайском ботаническом

саду. Стаю более чем из 50 особей 10 октября 1974 подняли из зарослей берёзки у восточной оконечности Ивановского хребта около высокогорного болота Гульбище (2200 м н.у.м.).

Алтайская тундряная куропатка
Lagopus mutus nadezdae (Serebrovski, 1926)

Малочисленный оседлый вид, населяющий высокогорье Западного Алтая на высотах 2000-2500 м над уровнем моря. Наличие дизъюнктивных каменистых россыпей на хребтах Алтая предопределяет прерывистое распространение этого вида. Гнездится на Убинском, Ульбинском, Ивановском, Холзунском и Линейском хребтах.

Места обитания тундрянки тесно связаны с каменистыми осыпями, участками щебнистых тундр с отдельно выступающими глыбами, расположенными у водоразделов и на прилежащих к ним склонах. В период гнездования встречаются на частично задернованных крупноглыбовых россыпях, где имеются фрагменты осоково-дриадовой тундры. Реже гнездятся среди россыпей крутых склонов при наличии среди камней куртин моховой или осоковой тундры с угнетёнными кустиками кедрового стланика *Pinus pumila*, ели *Picea obovata*, пихты *Abies sibirica* или карликовой берёзки *Betula rotundifolia*. Иногда отдельные особи или группы из 2-3 самцов встречаются в летнее время вблизи невысоких скалистых останцев, образующих по гребням отрогов скальные гряды, с подветренной стороны которых тянутся лишённые какой-либо растительности россыпи-курумники.

В альпийском поясе Ивановского хребта тундряные куропатки отмечались рядом исследователей, посещавших район со времён Ледебура (Ledebour *et al.* 1829-1830; Селевин 1935; Сушкин 1938; Кузьмина 1953, 1962), однако изучить особенности её распределения, численности и размножения удалось лишь в 1960-1970 годах (Щербаков 1975, 1979, 1986).

Разбивка на пары и токование начинается с середины мая. На заснеженных склонах Крестовой горы (Ивановский хребет, 2300 м) напротив города Риддера 26 марта 1971 встречены тундрянки, ещё державшиеся стайками из 4 и 6 особей. Добытая из их числа самка находилась ещё в белоснежном наряде. На этом же хребте, в урочище Медвежья тропа (2200 м), 26 мая 1972 куропатки встречались уже только парами. Самки были полностью перелинявшими в серое оперение, самцы же оставались совершенно белыми. Держались они по сравнительно выровненным участкам каменистой тундры и по отлогим склонам, где образовались проталины. Самцы гонялись за самками, принимая при этом задорные позы: опускали крылья, вытягивали шеи и часто издавали хрюкающие звуки: «*кrrrrrrr-кrrrrrrrr-кrrrrrrrr...*». Время от времени они срывались и стремительно летели вверх вдоль

склона и так же стремительно бросались вниз и, следуя вдоль склонов, преследовали друг друга. Примерно за полчаса азартно гоняющиеся друг за другом самцы пролетели мимо наблюдателя 8 раз. Один из них опустился метрах в 10 от меня и с хрюкающими звуками подбегал на 1-1.5 м, пытаясь ударить человека по ногам. Сделав вид, что испугался, я стал уходить от него, и в это время он три раза догонял, бил лапами и крыльями по голеницам сапог, отскакивал и по мере удаления человека демонстрировал, что догоняет его.

Как известно, линька у тундрянок начинается одновременно как у самцов, так и у самок, но у самцов после появления нескольких тёмных перьев на затылке линька останавливается на месяц (Иванов и др. 1951). Однако исходя из наших наблюдений за брачными парами тундряных куропаток в условиях высокогорья Западного Алтая, самки в конце мая были полностью перелинявшими, самцы же в это время были абсолютно белыми, без единого тёмного пятнышка.

К гнездованию приступают в конце мая – начале июня, когда в на вершинах хребтов открываются от снега большие площади, в основном на склонах южной экспозиции. Вероятно, в горных районах Алтая, расположенных южнее района нашего исследования, сроки гнездования более ранние. Так, например, в горах Сары-Тау (Южный Алтай) Г.И.Поляков (1912) 13 и 14 июня уже встречал выводки с пуховыми птенцами.

Гнёзда тундряные куропатки устраивают среди щебнистых участков тундр или же на каменистых склонах, ориентированных на юг или юго-запад, среди частично закреплённых осыпей с фрагментами тундровой растительности. Обычно гнёзда их хорошо замаскированы нависающими кустиками стлаников хвойных или же травянистых растений, изредка – выступающими козырьками камней. Три найденных нами гнёзда представляли собой неглубокие ямки в почве с общим диаметром 15-18 см, диаметром лотка 12-15 см и глубиной 3, 5 и 7 см. Выстилкой служила сухая хвоя кедра (одно было полностью выстлано хвоей), а также стеблями осок, кусочками лишайников и мхов. 22 июня 1971 на южном склоне Ивановского хребта около урочища Медвежья тропа (2200 м н.у.м.) в двух найденных гнёздах было по 6 яиц и в одном – 7. Размеры 5 яиц одной кладки, мм: 44×32, 46×34, 45×33, 44.5×31.5 и 45×31. Масса слабо насиженных яиц, г: 23.4, 22.5, 22.8, 22.9 и 22.7 г. Размеры яиц кладки с 7 яйцами, мм: 44.5×31, 45×31.5, 45×31, 43.5×31, 43.5×31, 44×31 и 43.5×31. Масса 7 яиц средней насиженности, г: 29.8, 29.8, 29.8, 29.6, 29.7, 28.8 и 30.0. На Ивановском хребте в районе Тургусунских озер (2200 м) 12 июня 1974 среди обширной каменистой россыпи обнаружили гнездо с кладкой из 9 свежих яиц. Здесь же 27 июня 1971, примерно в 20 м от места находки предыдущего гнезда, была найдена насиживаемая кладка. В обоих гнёздах самки сидели

крепко, позволив взять себя в руки. Наседное пятно одной из них имело размеры 12×8 см. Выпущенная, птица улетела и опустилась метрах в 30. Затем приблизилась метров на 5 и молча ходила с приспущенными крыльями.

Самка, отводящая от птенцов, встречена 1 июля 1970 на Ивановском хребте (2300 м) в верховьях речки Колотушки посреди большой осыпи на крутом склоне. Другая самка с 2 пуховичками наблюдалась 2 июля 1967 на этом же хребте среди каменистой тундры в урочище Медвежья тропа (2200 м). Выводок с 5 птенцами в возрасте 2-3 сут отмечен 5 июля 1962 у вершины горы Крестовой (Ивановский хребет, 2200 м). Самка с 4 птенцами величиной с коростеля *Сrex crex* отмечена 21 июля 1973 у водораздела Ивановского хребта (2300 м) среди щебнистой тундры в районе Тургусунских озёр. В это же время здесь наблюдались стайки по 4, 9 и 22 особей, в которых молодые были слабо отличимы от взрослых. Все птицы были в сером оперении. Добытая из большой стаи куропатка оказалась взрослым самцом. В этом же урочище 31 июля 1971 наблюдалась самка, отводящая от птенцов, и встречена ещё одна самка с 3 птенцами величиной с коростеля. В Райской долине (2000-2200 м) 2 августа 1971 с самкой было 7 птенцов, достигших величины рябчика. Выводок с 4 птенцами размером с перепела отмечен 27 июля 1973 на горе Синюхе (Убинский хребет) на высоте 1800 м н.у.м. Два выводка из 5 и 7 птенцов, которые мало отличались по величине от взрослых, обнаружены 20 сентября 1971 в урочище Медвежья тропа (Ивановский хребет, 2200 м), а 7 октября здесь же мы не отметили ни одной куропатки, а на снегу не было видно ни единого их следа, что определённо говорило об их откочёвке с этих мест на юго-восточные склоны хребта, которые местами были ещё свободны от снега.

Когда самки насиживают кладки и водят птенцов самцы поднимаются в гольцовый пояс и держатся там не ниже 2200-2300 м н.у.м. До середины июня по склонам северной экспозиции остаётся ещё много снега. Запаздывание линьки самцов, о чём также сказано и у Б.М. Житкова (1912), имеет определённый биологический смысл – наличие снега и низкие ночные температуры до середины лета обуславливают задержку линьки зимнего оперения. В этот период самцы встречаются обычно поодиночке или группами до 3-5 особей. На покрытых снегом вершинах Ивановского хребта (Медвежья тропа, 2400 м) 24 июня 1971 у 3 самцов в бинокль были видны уже появившиеся серые перья на плечах; 21 июля у самца, добытого на этом же хребте в районе Тургусунских озёр (2300 м), оперение было «крепкое» и серое.

Зимой тундранки держатся преимущественно на южных склонах, с которых преобладающие здесь монголо-сибирские ветры, дующие с востока, оголяют от снега значительные площади каменистой тундры.

Однако весной и летом неоднократно приходилось находить вытаявших из снежных лавин мёртвых куропаток у водораздела на склонах северной и северо-западной экспозиции хребтов. Эти факты указывают на то, что на ночёвку они перелетают с южной стороны, где мало снега или он вовсе сдувается, на снежные подветренные склоны. Об этом пишет и М.А.Кузьмина (1977).

Многолетние наблюдения на Западном Алтае показали, что тундрянки не оставляют высокогорного пояса зимой. Сведения В.А.Селевина (1935) и М.А.Кузьминой (1953, 1962) об откочёвках куропаток в нижние пояса гор не подтвердились. Вертикальные сезонные миграции свойственны только алтайской белой куропатке *Lagopus lagopus brevirostris*, также населяющей альпийский пояс. Эти миграции они совершают в многоснежные суровые зимы, спускаясь в долины гор, где держатся вблизи речек и ручьёв, поросших ивняками. В Маркакольской котловине на Южном Алтае тундряные куропатки также проводят зиму только на водоразделах хребтов (Березовиков 1989).

По материалам М.А.Кузьминой (1977), в состав кормов тундряной куропатки входит свыше 90 видов растений. У трёх особей, добытых в марте, в зобах находили почки березки круглолистой, а у 2 куропаток, коллектированных в июле и сентябре – исключительно листья куропаточьей травы *Driada oxypetris*.

Численность куропаток в высокогорье Западного Алтая как в 1960-1970 годах, так и в последующие десятилетия, была довольно низкой и подверженной значительным колебаниями. Всего здесь насчитывалось от 30 до 50-70 пар. Суровые зимы, естественные враги и охота на сдерживают численность тундряных куропаток, в отдельные годы доводя её до критической. Поэтому, учитывая довольно узкий и дизъюнктивный ареал этого вида в Восточном Казахстане, необходимо включить его в Красную книгу Казахстана.

Литература

- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Житков Б.М. 1912. Птицы полуострова Ямала // *Ежегодн. Зоол. музея Акад. наук* 17, 3/4: 311-369.
- Иванов А.И., Козлова Е.В., Портенко Л.А., Тугаринов А.Я. 1951. *Птицы СССР*. М.; Л., 1: 1-280.
- Ирисов Э.А., Тотунов В.М. 1970. К экологии куриных Юго-Восточного Алтая // *Изв. Алтай. отд. Гегр. общ-ва СССР* 11: 81-88.
- Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол.* 2: 80-104.
- Кузьмина М.А. 1962. Отряд куриные – Galliformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 389-487.
- Кузьмина М.А. 1977. *Тетеревиные и фазановые СССР*. Алма-Ата: 1-295.

- Поляков Г.И. 1912. *Поездка на озера Зайсан-нор и Марка-куль в 1909 году*. М.: 1-387.
- Селевин В.А. 1935. Новые данные по распространению птиц в Западном Алтае и его предгорьях // *Бюл. Среднеаз. ун-та* **21**, 13: 115-126.
- Стариков С.В. 2006. Аннотированный список птиц Катон-Карагайского национального парка и прилегающих территорий Алтая // *Тр. Катон-Карагайского национального парка*. Усть-Каменогорск, **1**: 147-241.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии*. М.; Л., **1**: 1-320.
- Щербаков Б.В. 1974. О численности куриных птиц на Западном Алтае // *Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф.* М., **2**: 305-307.
- Щербаков Б.В. 1975. О численности и размещении тундряной куропатки на Западном Алтае // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., **2**: 305-307.
- Щербаков Б.В. 1979. К экологии и распространению белой и тундряной куропаток на Западном Алтае // *Природа и хозяйство Восточного Казахстана*. Алма-Ата: 108-116.
- Щербаков Б.В. 1986. *Птицы Западного Алтая*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-22.
- Ledebour K., Bunge A., Meyer K. 1829-1830. *Reize durch das Altai – Gebirge und am Fusse desselben*. Berlin.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **631**: 284-289

О терминологии в описании территориального поведения птиц

Г.А.Носков, А.В.Бардин, С.П.Резвый

*Второе издание. Первая публикация в 1975**

Вопрос унификации терминологии в изучении миграций птиц нам представляется делом первостепенной важности. Особенно остро потребность в общепринятой терминологии стала ощущаться в последние годы, когда интерес к миграциям птиц в нашей стране сильно возрос. Это повлекло за собой резкое увеличение числа исследовательских коллективов и количества печатных работ, посвящённых данной проблеме. В таких условиях успешная совместная работа над общей проблемой возможна только при едином методологическом подходе к её решению и применению единой терминологии.

* Носков Г.А., Бардин А.В., Резвый С.П. 1975. О терминологии в описании территориального поведения птиц // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., **1**: 59-63.

В предлагаемой работе проводится обсуждение основных понятий, необходимость определения которых ощущается прежде всего. В ней используются термины, которые в том или ином виде часто встречаются в литературе, но до сих пор применяются крайне неоднозначно.

Птицы относятся к животным, способность к передвижению у которых развита очень сильно. Благодаря полёту они могут быстро и целенаправленно перемещаться в пространстве. Поэтому адаптации птиц к изменениям среды, в отличие от всех остальных активно передвигающихся организмов, связаны не столько с приспособлением к этим изменениям, сколько с активным поиском наиболее подходящих в данные сезон условий существования. Таким образом, приспособления к среде обитания в классе птиц часто выражаются в выработке такого типа перемещений, который бы обеспечивал оптимальное существование вида с его сформировавшейся системой адаптаций.

Выбор территории и установление связи с ней у птиц происходит активно, то есть является актом поведенческим. Поэтому вся система пространственных отношений особи, связанная с любым проявлением жизнедеятельности, может быть названа **территориальным поведением** в самом общем понимании этого слова. Нужно отметить, что в английском языке термин «territorial behaviour» означает поведение, связанное только с территориальностью (выбор территории, её защита и пр.). Однако в русском языке термин «территориальное поведение» орнитологами понимается шире – как отношение особи к пространству вообще.

Все перемещения птицы в пространстве на протяжении всей её жизни, вполне естественно, ограничены определённой площадью. Эту площадь, включающую в себя все точки, где особь побывала в течение всей жизни, предлагается называть **пространством жизнедеятельности** особи. Сюда входят места рождения, размножения, зимовки, пути перелётов и т.д. Соответственно можно говорить о годовом и суточном пространствах жизнедеятельности. Внутри пространства жизнедеятельности особей той или иной популяции бывает целесообразно выделять зоны гнездования и зоны зимовки.

Та часть пространства жизнедеятельности особи, на которой в течение определённого периода жизни изо дня в день протекает вся её суточная активность, может быть названа **участком обитания** особи в данный период. Участок обитания включает в себя места добывания корма, ночёвки (днёвки ночных птиц), а также места водопоя, сбора минеральных кормов, пылевых ванн и т.д. – то есть всю площадь, используемую птицей в процессе жизнедеятельности. В репродуктивный период, кроме того, участок обитания включает в себя так называемую «гнездовую территорию», места тока, вождения выводка и пр. Участки обитания у разных особей могут налегать друг на друга, полностью

перекрываются или быть разделёнными значительными расстояниями. Их размеры также могут сильно варьировать и обычно находятся в тесной связи с размерами птицы и её способами добывания корма.

В зависимости от структуры участка обитания, перемещения особи внутри него могут иметь разный характер. В том случае, если места гнездования, кормёжки или ночлега разобщены и находятся на значительном удалении друг от друга, между ними происходят суточные перемещения, как правило, приуроченные к определённому времени суток и маршруту. Однако, независимо от особенностей размеров и структуры использования участка, сам факт обитания птицы в его пределах можно назвать **оседлостью**.

В противоположность этому понятию, процесс смены участков обитания можно назвать **миграцией**. Известно, что это слово берёт своё происхождение от латинского «migrare» – передвигаться в пространстве из одного места в другое, – то есть имеет наиболее общее из всех употребляемых для обозначения передвижений значение. Поэтому логично называть миграцией любую форму территориального поведения, связанную с перемещением из одного участка обитания в другой. При этом величина расстояния, на которое переместилась особь, сама по себе, безотносительно к размерам участка обитания, не позволяет судить, произошла ли миграция или нет.

Следует сказать, что аналогичное понимание термина «миграция (migration)» принято и в английском языке. Однако помимо такого широкого понимания данного термина, migration употребляется и в другом, более узком смысле: для обозначения того типа территориального поведения, который у нас принято называть перелётами. В связи с этой двойственностью английского термина происходит много неточностей в определении понятия «миграция» в русском языке. Таким образом, наиболее целесообразным представляется использование термина «миграция» в предложенном выше максимально широком значении.

Смена участков обитания у особей внутри пространства жизнедеятельности, или миграция, может быть приурочена к разным сезонам и периодам жизни особи. В зависимости от этого можно выделять разные **типы территориального поведения** птиц, основываясь на сопоставлении участков обитания особи в её суточном, годовом и жизненном циклах и характере чередования периодов подвижности и оседлости в течение годового цикла и всей жизни особи. Проведённый анализ связей птиц с территорией показывает, что для Палеарктики можно выделить следующие типы территориального поведения птиц.

1. **Оседлый тип**. Процесс смены участков обитания, или миграция, в годовом цикле особи совершенно отсутствует. Таким образом, пространство жизнедеятельности особи на протяжении годового цикла

совпадает с её единственным участком обитания. При этом привязанность к участку обитания («чувство дома») наблюдается круглый год.

2. Блуждающий тип. У целого ряда видов, особи которых принято считать оседлыми, имеется иной, по сравнению с описанным выше, характер территориального поведения. Привязанность к определённому участку обитания у них наблюдается лишь на протяжении части годового цикла – в репродуктивный период, в то время как в остальное время года особь утрачивает «чувство дома», в результате чего она может удаляться от летнего участка и блуждать либо далеко за его пределами, либо в окрестностях его, либо включать его в площадь зимнего участка обитания. Таким образом, период миграций может либо полностью выпадать из годового цикла, и особь будет жить оседло, либо чередование миграций и оседлости во внегнездовой период будет носить случайный характер в зависимости от конкретных, преимущественно кормовых условий.

3. Кочующий тип. В отличие от оседлого и блуждающего типов территориального поведения, миграции в годовом цикле особи являются обязательными. Однако сроки, продолжительность и дальность передвижений могут весьма сильно варьировать. Вследствие этого как зимовочные, так и гнездовые зоны пространства жизнедеятельности из года в год не будут совпадать, что создаёт картину резких колебаний численности вида в разных точках его ареала по сезонам и внешне напоминает инвазии (см. ниже). Территориальное поведение особи в зимнее время между двумя обязательными периодами миграций может быть весьма различным и сходным с таковым при блуждающем типе, то есть будет определяться конкретными кормовыми и погодными условиями сезона.

4. Странствующий тип. У целого ряда птиц, преимущественно морских и океанических видов, имеется один период оседлости, связанный с репродуктивным периодом. Период же миграций у них занимает всю остальную часть года. Их миграции – непрерывное странствование внутри пространства жизнедеятельности, а постоянный участок обитания особь во внегнездовое время не занимает.

5. Перелётный тип. Особь имеет в году два или более строго фиксированных по времени и протяжённости периодов миграций, а в остальное время года ведёт оседлый образ жизни на двух или нескольких географически удалённых друг от друга участках обитания.

Все перечисленные выше типы территориального поведения возникли и развивались как отражение сезонных изменений климата в условиях Палеарктики. В связи с этим миграции птиц в этих случаях имеют периодичность и приурочены к определённым сезонам. Такие миграции можно отнести к **периодическим**, а по приуроченности ко времени года их можно формально разделить на весенние, осенние,

летние и зимние. Однако на практике мы встречаем ряд затруднений, связанных с тем, что периоды годового цикла птиц не всегда совпадают с сезонными изменениями климата данной местности. Особенности затруднения возникают при определении летних миграций птиц, широко распространённых в Палеарктике и весьма разнообразных по своему адаптивному значению. Поэтому при определении характера миграционного поведения в первую очередь приходится учитывать место миграции в годовом цикле особи, а не фенологический период года. Тогда весенние и осенние миграции можно определить как перемещения между зимним и летним участком обитания и обратно. Летними или зимними миграциями, исходя из того же принципа, следует считать перемещения между двумя или несколькими летними или зимними участками обитания или блуждание на территории гнездовой или зимовочной зоны пространства жизнедеятельности особи. Тогда в категорию летних миграций попадают перемещения взрослых особей между двумя местами размножения на разных участках обитания, миграции молодых и взрослых птиц между местом рождения или гнездования и местом линьки (так называемые миграции на линьку), или миграции к местам нахождения обильного источника корма (так называемый промежуточный перелёт).

В отличие от периодических миграций, совершаемых ежегодно, существуют формы передвижений, предпринимаемые особью один или несколько раз в жизни. К таким формам миграционного поведения следует отнести разлёт, или расселение (*dispersal*) молодых птиц от места своего рождения. Этот процесс может наблюдаться как у особей видов, предпринимающих периодические миграции, так и у оседлых во взрослом состоянии птиц. В первом случае, то есть у перелётных, кочующих, странствующих и блуждающих птиц, масштабы разлёта, как правило, невелики по сравнению с масштабами периодических форм подвижности. Поэтому окончательный результат перераспределения особей в пространстве, или дисперсия (*dispersion*), зависит прежде всего от точности попадания на прежний участок обитания при периодических перемещениях.

У видов, особи которых, как правило, оседлы во взрослом состоянии, эта миграция может быть единственной в жизни, внешне создавая странный эффект «миграции оседлых птиц». Адаптивное значение этих миграций состоит отнюдь не в уходе от неблагоприятных экологических условий, а в перераспределении птиц по территории в пределах одного и того же достаточно крупного географического региона. Они обеспечивают обмен генами между популяциями и регулируют соотношение инбридинга и аутбридинга внутри популяций, то есть направлены на достижение того эффекта (дисперсии особей по территории), который при периодических миграциях может достигаться

также за счёт отклонений в попадании на место рождения. Такой тип перемещений мы называем **миграцией расселения молодняка**.

Наконец, существуют миграции, приводящие к резкому и необычному для вида расширению особями своих пространств жизнедеятельности, осуществляющиеся по типу вылета значительной части особей вида (популяции) далеко за пределы своего обычного ареала. При этом новая территория, включённая особью в своё пространство жизнедеятельности, не входит ни в гнездовую, ни в зимовочную его зоны, а сами перемещения необратимы. Только такой тип миграций, по видимому, целесообразно называть **инвазиями**.

Нужно подчеркнуть, что протекание таких аperiодических миграций накладывается на годовую цикличность, в результате чего они обычно происходят лишь в определённые сезоны.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 631: 289-290

Предварительная схема летнего пролёта синьги *Melanitta nigra* в области Балтики

О.Я.Ренно

*Второе издание. Первая публикация в 1975**

С 1968 года вокруг Балтийского моря проведено 3 серии наблюдений за пролётом синьги *Melanitta nigra*: в 1968 (в 12 пунктах), в 1971 (в 15 пунктах) и в 1973 году (в 10 пунктах). Частично эти наблюдения сопровождалось радарными наблюдениями. При составлении настоящего обзора использованы данные эстонских, латвийских, Ленинградских, финских, шведских, датских и кандалакшских орнитологов.

С гнездовых мест в тундровой зоне стаи самцов синьги с некоторой примесью самок (до 5%) в конце июня – начале июля летят широким фронтом на запад и собираются на акватории Белого моря. Оттуда птицы стартуют волнообразно и преодолевают без отдыха, главным образом на большой высоте, озёрный ландшафт Карелии, выходя на Финский залив между Ленинградом и Выборгом, в большинстве же, вероятно, в районе Выборгского залива. Некоторая часть синьг летит и вдоль западного берега Ладоги. На акватории Финского залива стаи синьги отдыхают некоторое время (до недели) и улетают вновь в юго-

* Ренно О.Я. 1975. Предварительная схема летнего пролёта синьги в области Балтики // *Материала Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., 1: 229-230.

западном направлении. При этом часть их при встрече с береговой линией, почти перпендикулярной основному пеленгу пролёта вида, поднимается в верхние слои воздуха и летит на высоте до 4.5 км (обычная высота 1200-1500 м) через Эстонию по двум руслам на Рижский залив, где некоторая доля птиц садится и затем продолжает свой путь через Ирбенский пролив, а основная масса летит безостановочно на большой высоте до самого Балтийского моря.

Вторая часть синьг (общее количество не менее 100 тыс. особей) летит низко вдоль побережья на запад, стремясь найти возможность лететь над морем в юго-западном или юго-юго-западном направлении, следуя главным извилинам береговой линии. Этот контингент птиц минуется северо-западный эстонской части материка (мыс Пыызаспеа) и остров Зийумаа (в эстонские проливы синьга летом проникает редко). От мыса Ристна (западный конец острова Хийумаа) главная масса низколетящих синьг направляется к юго-юго-западу по срединной линии Балтийского моря. Только 5-8% птиц этого контингента отклоняется от этой главной трассы, пролетая вблизи западных берегов острова Сааремаа и Латвии. У островов Готланд и Эланд синьга наблюдается в очень малом количестве. То же самое относится и к Земландскому полуострову.

Далее стаи синьги летят через южно-датские проливы, большей частью пересекая Кильский перешеек и остаются на линьку у западных берегов Дании. Меньшая же часть их рассеивается по восточному побережью Ютландии.

Наиболее интенсивный пролёт синьги на Балтийском море начинается около 10 июля и заканчивается к 15 августа. Однако около мест линьки у Дании первые стаи этих птиц прибывают уже в первой пятидневке июля. Самый массовый пролёт начинается там примерно 25 июля и в виде трёх-четырёх волн продолжается до 3 августа. В весьма малом количестве линяющие синьги встречаются и в Средней Балтике, на Финском заливе и крупных внутренних озёрах Эстонии.

Новое подтверждение гнездования чёрного дрозда *Turdus merula* в окрестностях Верхнего Тагила

А.Н. Пискунов

Второе издание. Первая публикация в 2004*

В июне 1988 года мне удалось найти гнездо чёрного дрозда *Turdus merula* в окрестностях Верхнего Тагила (Пискунов 1995). В июне 2002 года я вновь нашёл гнездо чёрного дрозда неподалёку от места первой находки. Гнездо располагалось на старом пне высотой около 2 м, кладка состояла из 4 яиц.

Литература

Пискунов А.Н. 1995. О редких птицах окрестностей Верхнего Тагила и Висимского заповедника // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 62-63.

* Пискунов А.Н. 2004. Новое подтверждение гнездования чёрного дрозда в окрестностях Верхнего Тагила // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 119-120.